

References

1. Arinin A. N. Modernizatsiya Rossii: postanovka problemy / A. N. Arinin, A. A. Galkin // Modernizatsiya Rossii kak uslovie ee uspehnogo razvitiya v XXI veke / otv. red. A. N. Arinin. – M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. – 319 s.
2. Bekhterev V. M. Izbrannye raboty po sotsialnoy psikhologii / V. M. Bekhterev. – M. : Nauka, 1994. – 400 s.
3. Bogomolov A. S. Antichnaya filosofiya / A. S. Bogomolov. – M. : Izd-vo MGU, 1985. – 368 s.
4. Vardomatskiy A. N. Sdvig v tsennostnom izmerenii? / A. N. Vardomatskiy // Sotsis. – 1993. – № 4. – S. 46–55.
5. Leontev A. N. Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost / A. N. Leontev. – M. : Smysl, 1999. – 365 s.
6. Levin K. Teoriya polya v sotsialnykh naukakh / K. Levin. – SPb. : Sensor, 2000. – 368 s.
7. Maslou A. Motivatsiya i lichnost / A. Maslou. – SPb. : Yevraziya, 1999. – 478 s.
8. Markuze G. Odnomernyy chelovek : per. s angl. / G. Markuze. – M. : REFL-book, 1994. – 368 s.
9. Momdzhyan K. Kh. K voprosu o tipologii sotsialnykh grupp / K. Kh. Momdzhyan // Voprosy filosofii. – 2012. – № 1. – S. 39–49.
10. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystviya i perspektiva budushchego / Zh. Nyutten ; pod red. D. A. Leonteva. – M. : Smysl, 2004. – 608 s.
11. Obukhovskiy K. Psikhologiya vlecheniy cheloveka / K. Obukhovskiy. – M. : Progress, 1972. – 244 s.
12. Petrovskiy A. V. Osnovy teoreticheskoy psikhologii / A. V. Petrovskiy, M. G. Yaroshchevskiy. – M., 1998. – 528 s.
13. Platon. Dialogi. – M. : Mysl, 1986. – 607 s.
14. Potebnya A. A. Polnoe sobranie trudov: Mysl i yazyk / A. A. Potebnya. – M. : Labirint, 1999. – 300 s.
15. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii : v 2 t. / S. L. Rubinshteyn. – M. : Pedagogika, 1989. – T. 2. – 328 s.
16. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Zh.-P. Sartr ; per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. – M. : Respublika, 2000. – 639 s.
17. Spirkin V. M. Teoriya potrebnostey / V. M. Spirkin. – Tver : Gardariki, 1994. – 736 s.
18. Uznadze D. N. Obshchaya psikhologiya / per. s gruz. Ye. Sh. Chomakhidze ; pod red. I. V. Imedadze. – M. : Smysl ; SPb. : Piter, 2004. – 413 s.
19. Frankl V. Volya k smyslu / V. Frankl ; per. s angl. – M. : Aprel-Press, Izd-vo EKS-MO-Press, 2000. – 368 s.
20. Freyd Z. «Ya» i «Ono» / Z. Freyd // Trudy raznykh let : v 2 t. – Tbilisi : Merani, 1991. – T. 2. – 252 s.
21. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti / E. Fromm. – M. : Respublika, 1998. – 410 s.
22. Madsen K. Theories of Motivation / K. Madsen // Human Motivation. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1965. – P. 47–98.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Руденко Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: maxrud@list.ru

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8255.

Целью данной статьи выступает анализ понятия модернизации и основных этапов теоретического осмысления этого явления в зарубежной и отечественной науке. Рассматривается проблема соотношения модернизма и постмодернизма, а также вопрос о поиске альтернативных путей развития незападных обществ. Можно выделить два этапа в развитии исследовательских парадигм модернизации: классический модернизм и рефлексивный модернизм. В данной работе показываются социально-экономические и политические предпосылки перехода к рефлексивному модернизму, а также, что самое важное, духовные предпосылки этого, то есть процесс развития западного мышления.

Одной из главных характеристик рефлексивного модернизма становится вариативность, отказ от жесткой телеологии и концепция «множественных модернов». С одной стороны, это обеспечивает более адекватное соответствие концепции модернизма реалиям стран третьего мира, но с другой – приводит к отсутствию в современных исследованиях универсальных рецептов достижения высокого уровня жизни для этих стран. Представляется необходимым при анализе процесса модернизации смещение акцентов на культурные различия между западным обществом и незападными цивилизациями, именно культурные особенности развития европейского общества придали модернизму его уникальность. В итоге автор приходит к выводу о том, что появление более гибкой концепции рефлексивного модернизма свидетельствует о безальтернативности теории модернизации в современной социально-политической науке.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, рефлексия, индустриальное общество, телеология

THE THEORETICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF MODERNIZATION

Rudenko Maxim N., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414025, Russia
E-mail: maxrud@list.ru

The purpose of this article appears analysis of the concept of modernization and milestones of theoretical understanding of this phenomenon in the foreign and Russian science. The author considers the problem of the relation of modernism and postmodernism, and the question of finding alternative ways of development of non-Western societies. There are two stages in the development of research paradigms of modernization: classical modernism and reflective modernism. In this paper, the socio-economic and political conditions of transition to reflective modernism, and, most importantly, the spiritual background of this, that is the development of Western thought.

One of the main characteristics of reflective modernism is variability, the absence of rigid teleology and the concept of "multiple modernities." On the one hand, it provides greater adequacy of the concept of modernism to realities of the third world, but on the other – leads to a lack in modern research universal recipe of achievement a high standard of living in these countries. It seems necessary in the analysis of the process of modernization a shift in emphasis to cultural differences between Western society and Non-western civilizations, exactly the cultural features of European society gave modernism its uniqueness. Ultimately, the author comes to conclusion that the emergence of a more flexible concept of reflective modernism suggests inevitability of modernization theory in the current social and political science.

Keywords: modernism, postmodernism, reflection, industrial society, teleology

В современной науке под модернизацией обычно понимается переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. В силу опережающего развития Западной Европы модернизация проходит в форме заимствования другими странами западных моделей. Это касается распространения современных технологий, капиталистической рыночной экономики, а также принятия западных форм демократии и заимствования культурных образцов.

Также модернизация понимается как адаптивный процесс, своеобразный ответ различных обществ на вызовы окружающей среды. Так, по мнению В. Цапфа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную революцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы [1, с. 14].

Подобным образом рассуждает Ф. Фукуяма, употребляя термин «оборонная модернизация», под которой понимаются вынужденные изменения в развитии незападных стран с целью уменьшения степени своей отсталости [2, с. 128].

Но модернизация – это не только процесс экономических, политических и культурных изменений. Это, прежде всего, появление у человека нового способа мышления, который в конечном итоге и обусловил все последующие европейские успехи.

В начале XX в. разрабатывается концепция «рационализации» массового сознания, связанная, прежде всего, с именами Г. Зиммеля и М. Вебера. Эти исследователи указывали на сдвиги в системе ценностей, когда происходит движение от ценностей коллективизма к ценностям индивидуализма, а доминирующей идеей в обществе становится идея формирования свободной личности, которая становится центром рационально понятных социальных связей [3, с. 476].

В европейской науке формируется понятие «модерн», под которым понимается рациональный способ осмысления мира в Европе нового времени.

Например, П. Козловски понимает под модерном стремление превратить все существующее в разум и указывает, что цель овладения вещами посредством мышления достигается философской наукой Гегеля, благодаря преодолению исходного дуализма мышления нового времени, где субъект и объект противостоят друг другу как различные миры [4, с. 5].

Подобным же образом Ю. Хабермасу модерн видится целостным проектом построения рационализованного общества [5].

В последнее время в связи с кризисом европейского рационализма стали распространены установки на формирование постмодернистского стиля мышления. В постмодернизме культура предстает как некий текст, подвергающийся бесконечной и вариативной интерпретации. По выражению Ж. Дерриды, язык – это поле игры, то есть бесконечных подстановок в замкнутости некоего конечного множества [6, с. 364]. Культурный релятивизм размывает традиционные западные рационалистические ценности, т.е. происходит некое самоотрицание интеллектуальной элитой западной культуры, на первый взгляд недвусмысленно свидетельствующее о кризисе и завершении эпохи модерна.

Однако в данном случае правильной представляется позиция Ю. Хабермаса, называющего модерн незавершенным проектом. Немецкий философ указывает на то, что не надо возлагать вину за кризис западной цивилизации на культуру. Наоборот, к кризису приводит чрезмерное господство экономической и политической подсистем и навязывание их собственных ценностей всем прочим подсистемам, в частности культурной [5].

Эта очень важная мысль, в современном глобализованном мире экономика действительно диктует ход развития остальных сферам общественной жизни. Довольно часто, например в дискуссиях о глобализации, встречается позиция, что не имеет смысла рассуждать о том, как должно выглядеть будущее, все равно все будет соответствовать экономическим законам, иного выбор просто нет. Таким образом, культура, наоборот, оказывается последним бастионом борьбы против экономического детерминизма.

Кроме того, постмодернизм не отрицает модерн, да это своеобразная интеллектуальная игра, но эта игра все равно остается рациональной. Такое явление уже можно было наблюдать в истории античности, когда на смену классическим рационалистическим установкам приходят скептицизм и разочарование в разуме, свойственное периоду эллинизма и поздней античности, однако скептики для доказательства продолжают оперировать вполне рационалистическими категориями. Проблема соотношения модерна и постмодерна является во многом ложной, несмотря на изменение в формах европейского мышления его стиль остается прежним. В то же время наивно полагать, что проблемы постмодернизма можно просто игнорировать, они не были порождены группой пресыщенных интеллектуалов, а вытекают из самого хода эволюции западной гносеологии и развития ее категорий.

Уже этот вопрос о модернизме и постмодернизме показывает незавершенность дискуссии о теоретическом осмыслении модернизации. Несмотря на некоторую ясность определения модернизма, остаются и другие нерешенные проблемы. Является ли модернизация единственной альтернативой развития? Оправданно ли смешение акцентов с того как она проходит на то как она должна проходить? Важнейшей проблемой для отечественных исследователей остается приложение теории модернизации к российской специфике.

Процесс человеческого познания довольно точно описан в классической феноменологии Э. Гуссерля. Происходит постоянное конституирование объекта, на который направлено сознание исследователя, каждое поколение исследователей может выделять собственные стороны объекта, что означает непрерывность процесса познания. При этом каждый новый взгляд не означает перечеркивание прежних взглядов, просто любой сложный объект многомерен и может в зависимости от исследовательских установок поворачиваться к обращенному на него сознанию своими разными сторонами.

Этой схеме очень четко соответствуют этапы теоретического осмысления процесса модернизации. Отечественный исследователь А. И. Уткин предлагает выделять четыре этапа: модернизм, антимодернизм, постмодернизм, неомодернизм [7, с. 41–54]. Нам эта схема представляется чрезмерно дробной, достаточно дифференциации двух этапов: классический модернизм и рефлексивный модернизм. Далее мы попытаемся обосновать это утверждение.

Этапы осмысления модернизации связаны не только с теми или иными политическими и социально-экономическими событиями, но и с эволюцией мыслительных установок. Например, неомодернизм (рефлексивный модернизм) обусловлен победой Запада и распадом социалистической системы, оставившей миру только единственную альтернативу развития, в этом А. И. Уткин совершенно прав. Но в то же время неомодернизм необходимо рассматривать как закономерный этап в развитии западного мышления.

Сначала обратимся к классическому модернизму. Один из наиболее ярких его примеров дает «модель сдвига» У. Ростоу, изложенная им в работе «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест» (1960).

У. Ростоу обращает внимание на движение от традиционного общества к эпохе высокого массового потребления, которое является неизбежным. Хотя сегодня западные страны наиболее развиты, в будущем страны третьего мира сумеют достичь западного уровня, однако для этого они нуждаются в руководстве и помощи со стороны более развитых стран.

Таким образом, рыночная экономика и развитие институтов демократии – универсальный рецепт классического модернизма, применимый ко всем без исключения странам.

Первые послевоенные десятилетия можно назвать временем исследовательского оптимизма, когда копирование западных моделей признавалось залогом успешного развития. Однако оказалось, что такое автоматическое приложение ведет к несколько иному, чем прогнозировалось последствиям. Выявились очевидные проблемы модернизации стран Азии, Африки и Латинской Америки: оказалось, что после реформ, проведенных по западному образцу, коррупция только возрастает, разрыв между бо-

гатыми и бедными только усиливается, уровень жизни западных стран остается недостижимым и самое главное возрастает политическая нестабильность. Все это привело к быстрому отказу от первоначального оптимизма классического модернизма.

Уже в 1965 г. Ш. Эйзенштадт публикует статью с очень характерным названием «Срывы модернизации». В ней израильский ученый отмечает, что в ряде стран таких как Индонезия, Пакистан, Бирма и Судан в последнее время конституционные демократические режимы уступают место разнообразным авторитарным или полуавторитарным формам правления. Но что более важно, Ш. Эйзенштадт указывает на уникальность западной цивилизации и, в то же время, на ее претензии на то, что быть универсальной моделью для всего остального мира и здесь действительно содержится серьезное логическое противоречие.

В 1978 г. в работе «Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций» Ш. Эйзенштадт уже уверенно вводит в научный лексикон понятие «множественные модерны», признающее за незападными обществами право на собственные модели модернизации, которое является сегодня широко используемым [8, с. 14].

Однако после появления подобного рода работ нельзя говорить об антимодернизме как целостном направлении. Теория модернизации не отрицается кроме отдельных исследователей восточного происхождения, а просто приспосабливается под социально-экономические и политические реалии стран третьего мира. Хороший пример этого приспособления дает исследование С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968).

Американский исследователь вовсе не оспаривает ценности демократии и свободного рынка, он просто признает своеобразие стран третьего мира. По его мнению, для них характерны быстрые экономические и социальные изменения в сочетании с медленным развитием политических институтов. Темпы социальной мобилизации и роста политической активности населения высоки; темпы политической организации и институционализации низки. Результатом этого оказываются политическая нестабильность и беспорядок. [9, с. 24–25, 32].

На первый план для С. Хантингтон выходит стабильность, которую может обеспечить только сильное государство. Государство должно сохранить определенные позиции в экономике, политическая система может оставаться своеобразной, в частности залог общей стабильности – стабильность партийной системы, где может доминировать одна сильная партия. Но самое главное, о чем говорит уже С. Хантингтон, – процесс модернизации нуждается в сознательном управлении, нельзя просто руководствоваться законами свободного рынка как неизбежной данностью.

Таким образом, уже в работе С. Хантингтона виден зародыш будущей теории рефлексивной модернизации.

На первом этапе теоретического осмысления процесса модернизации присутствовал своеобразный эгоцентризм западного мышления, уверенность в универсальности западной модели и собственных притязаний на абсолютную истину. Именно здесь ярко проявилась линейность западного мышления, связанная с христианской традицией, та линейность, о которой много в свое время писал М. Элиаде. Идеи классического модернизма действительно пропитаны телеологией, тоже тесно связанной с христианскими представлениями о конце мира и человеческой истории. Выражением этого стала находящаяся на слуху (его работа переведена на два десятка языков) концепция «конца истории» Ф. Фукуямы. Земной мир в построениях американского исследователя не гибнет в апокалипсисе, а движется к всеобщему благоденствию на основе рыночной экономики и западной демократии, модель западного модерна, таким образом, становится итоговой крайней точкой человеческой цивилизации, точкой прекращения истории человеческого общества. Год выхода работы – 1992 – во многом показывает хронологическую условность разделения классического и рефлексивного модернизма.

Однако все-таки 1990-е и 2000-е гг. стали временем преобладания рефлексивного модернизма. Этот подход отличается гораздо более высокой степенью объективности и гибкости, однако если раньше европейские ученые уверенно предлагали непротиворечивые решения социально-экономических и политических проблем для

других стран, то теперь ситуация изменилась. История, по словам Э. Гидденса, лишилась телеологии. Критика коснулась самих основ западной цивилизации, а именно идеи всеобщего прогресса, на место универсализма и абсолютной истины западных моделей пришли плюралистические критерии прогресса.

Немецкий исследователь У. Бек рассматривает современное общество как общество риска, который носит всеобщий характер и часто является непредсказуемым. Общество вынуждено постоянно соотносить свои действия с предполагаемой степенью риска. Именно эта оценка имеется в виду, когда говорится о рефлексивной модернизации. В своей работе «Что такое глобализация?» У. Бек отстаивает необходимость не пассивного принятия государствами экономических законов, а наличие политической воли, способной обуздать безудержный глобализм. Иначе будущее Европы в целом и отдельных европейских социальных государств, таких как Германия и Франция, оценивается немецким исследователем весьма пессимистически [10, с. 276–278].

В концепции Э. Гидденса рефлексивная модернизация понимается как постоянное переосмысление, переоценка и соответствующая трансформация всех институтов современности [11, с. 101–122]. Э. Гидденс отрицает значимость понятия постмодерн, западное общество не выходит за пределы модернизма, который переживает эпоху радикализации, имеющую в основе своей два источника. С одной стороны, это повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение системы ценностей человека, их переориентация с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные. С другой стороны, это глобализация, устранение прежних границ национальных государств и становление мировой сети производственных и информационных структур. Рефлексивность современной жизни связана с тем, что социальная практика постоянно проверяется и модифицируется в свете поступающей новой информации.

Крушение провиденциализма, отказ от телеологии и сомнения в самой идее прогресса, вариативность развития вместо жесткой линейности – все это совершенно правильно представляется Э. Гидденсу признаками нового постмодернистского мышления. Также верно утверждение британского социолога о том, что происшедшие изменения следует рассматривать скорее как результат самопрояснения мысли по мере ее очищения от традиций и провиденциальных взглядов. Упадок влияния Запада не есть свидетельство слабости его технологий, институтов и способов мышления, а наоборот результат их глобального распространения и получения к ним доступ стран третьего мира.

Однако факт остается фактом – претензии западной цивилизации на господство в мире становятся все более сомнительными. Это, вместе с неожиданными негативными последствиями модернизации стран третьего мира, является вполне объективной причиной критики классического модернизма. Развернутый анализ так называемого упадка Запада содержится в работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», поэтому здесь на нем нет необходимости останавливаться [12, с. 115–149].

Конечно, утрата Западом экономического и политического господства, сложная демографическая ситуация в западных странах делают принятие западных ценностей все менее очевидными для остального мира. Однако западное технологическое, военное и научное превосходство по-прежнему остается неоспоримым. Необходимо понимать, что упадок Запада не столько показатель его слабости, сколько показатель изменения культурных установок, все большей склонности к отказу от применения военных способов для решения политических проблем, формирование того что исследователи называют «поствоенным обществом». При необходимости, например, в случае прямой военной угрозы, эти установки могут с легкостью измениться, а последние события в Ливии и других арабских странах доказывают, что представления о сдержанном отношении к применению военной силы могли быть сильно преувеличены западными учеными.

Американский исследователь Р. Ингелгарт в работе «Модернизация и постмодернизация» (1997) предлагает уже достаточно завершенную концепцию рефлексивной модернизации, дает развернутую критику постмодернизма и подробно разбирает все недостатки европейского мышления, прежде всего линейность и уверенность в собственной исключительности [13, с. 261–291]. Социальные преобразования не

имеют линейного характера, отрицается конец истории ее однонаправленность и отождествление модернизации и «вестернизации». Если раньше, в силу определенных исторических условий модернизация была сугубо западным явлением, но в данный момент этот процесс стал более глобальным и в нем активно участвуют страны Восточной Азии.

Западный вариант индустриализации реализует только одну из моделей модернизации. Кроме того, демократия является не единственной политической формой модернизации, как альтернатива приводятся модернизации, осуществленные в рамках коммунистических и фашистских режимов.

В последнее время исследователи все чаще оперируют термином «авторитарный капитализм», совмещение современной рыночной экономики и авторитарного политического режима, что может привести к значительным успехам в развитии, примером чего является стремительный подъем Китая в 1990–2000 -е гг. [14, с. 55].

Р. Инглегарт ставит под сомнение даже культурную уникальность западной цивилизации. Да, протестантская этика М. Вебера сыграла серьезную роль в модернизации, а протестантство действительно является феноменом чисто западным, однако этого нельзя сказать о холодном расчете и рационализме. Кроме того, культура – это не константа, а фактор переменного характера, ее установки могут меняться.

Однако это в построениях Р. Инглегарта и вызывает наибольшее сомнение, его попытка нивелировать различия в способах мышления между различными культурами вряд ли способна увенчаться успехом – слишком уж велики и очевидны подобные различия. Нельзя отрицать и еще один положительный момент теории постмодернизма, который и сам подчеркивает в своей работе Р. Инглегарт. Постмодернизация предусматривает отказ от приоритетов экономической эффективности, чрезмерной бюрократизации общества и рационального способа мышления, что означает переход к более гуманному, чем предполагал проект модерна, обществу, где для процесса самовыражения личности предоставляются большие возможности. Конечно, все это больше походит на идеальную схему, но в то же время всем вполне понятно, что современное общество должно меняться.

Оно просто не может оставаться классическим индустриальным обществом, схема функционирования которого красочно описана Э. Тоффлером и включает такие понятия как стандартизация, концентрация, централизация, синхронизация, максимизация [15, с. 92–117].

В процессе теоретического осмысления процесса модернизации наметилась своеобразная проблема своеобразного «отставания» теории от социально-экономической и политической практики. Именно реалии этой практики, когда теорию модернизма приложили к незападным обществам, показали ее несостоятельность и заставили исследователей обратиться к поиску новых форм модернизации. Однако концепция рефлексивной модернизации не просто ответ на ситуацию в странах третьего мира, а попытка выйти на новый уровень теоретизации ярким свидетельством чего служит статья У. Бека «Космополитическое общество и его враги» [16, с. 24–53].

Немецкий ученый определяет состояние современного общества термином космополитизация, которая для него означает новую форму глобализации, развивающуюся внутри национальных сообществ, трансформирующую повседневное сознание и идентичность. Ключевым для У. Бека становится противопоставление космополитической перспективы в центре которой находится диалогическое воображение, национальной перспективе – с господством монологического воображения. Диалогическое воображение допускает инаковость других цивилизаций, преодолевает влияние линейной рационализации вследствие столкновения различных культур и рациональностей в рамках одной человеческой жизни, национальная перспектива исключает инаковость другого. В качестве главных врагов космополитического общества называется соответственно национализм, глобализм, демократический авторитаризм.

Несмотря на гибкость и объективность рефлексивного модернизма, в современной науке встречается критика теории модернизации и продолжают поиски ответа на вопрос имеется ли для нее альтернатива.

Таковы исследовательские установки французского социолога А. Турена, указывающего что классическая социология занималась изучением передовых западных обществ, сегодня социология должна изучать три мира: капиталистический, социалистический и развивающийся (работа, о которой идет речь, написана в 1984 г.). Технология и рационализация не кажутся сегодня больше силами освобождения, современное общество предстает как система без центра, главным явлением становится возвращение в социологию субъекта [17, с. 47]. При этом характерна позиция А. Турена по вопросу об альтернативе. Будущее видится французскому исследователю в программированном обществе как обществе с более высокой степенью мобилизации, чем индустриальное. В последнем индивиды вовлечены в управляемые системы коллективной организации на уровне труда, в новом обществе большие централизованные системы управления возникают в самых разных областях социальной жизни [17, с. 130]. Вполне понятно, что при всей критике рационализации и технологии, они остаются системообразующими факторами нового общества, более того, их роль в данной концепции скорее усиливается.

Еще дальше в критике идет финский исследователь Э. Аллард в статье с характерным названием «Сомнительные достоинства концепции модернизации» [18, с. 60–66]. В основе сомнений исследователя лежит все та же альтернативная концепция множественных модернов. Более того, по мнению Э. Алларда, важен не только факт наличия множества модернов в мире, самое главное, что нет и единого европейского модерна, существуют разные модели модернизации в Европе. Используются также критические аргументы, выдвинутые так называемой постмодернистской социологией, прежде всего признание невозможности знать непреднамеренные следствия, вызванные модернизацией.

Однако автор тоже не может предложить никакой реальной альтернативы модернизации, кроме ее вариативности, что, как мы могли в этом убедиться, уверенно признается в рамках рефлексивного модернизма.

Таким образом, Э. Гидденс, У. Бек, Р. Ингледарт, существенно отходя от теории классического модернизма, не только не отрицают западные экономические, политические и культурные ценности, но и полемизируют с понятием кризис модернизма, определение современного мира в категориях постмодернизма представляется им непродуктивным. Постмодернизм не свидетельство кризиса проекта модерна, а одна из ступеней его развития, делающая модернизм более гибкой системой и лучше очерчивающая круг его возможностей.

Модернизм – не универсальное лекарство, подходящее любому без исключения больному, оно может вызывать серьезные побочные эффекты, может не давать ожидаемых результатов, но оно остается единственным, потому что пока не имеет альтернативы. Говоря словами В. Цапфа, «если бы теории модернизации совсем или больше не было, ее пришлось бы придумать» [1, с. 25].

Достоинство теории рефлексивной модернизации как раз и состоит в том, что она признает за обществами третьего мира возможность сделать выбор и самим оценить степень риска побочных эффектов. Для незападных обществ экономика не являлась самостоятельной сферой жизни, отделенной от политики и культуры, это определяет невозможность следовать модели классической модернизации в таких обществах. Культурные ценности являются одними из наиболее устойчивых, но в то же время нельзя менять экономику, не меняя культурных ценностей и будет довольно наивно надеяться, что можно сохранить собственные традиции и при этом жить так в Европе и или Америке.

В ходе многолетних исследований все ярче выявляется культурная уникальность европейской модернизации, а это означает, что незападным странам предстоит сделать нелегкий выбор отказываться или нет от своей культурной идентичности, ради лучших условий жизни для людей в этих странах.

Список литературы

1. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8. – С. 14–26.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, Ермак. – 2005. – 592 с.

3. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск, 2001. – 1040 с.
4. Козловски П. Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / П. Козловски, Э. Ю. Соловьев. – М. : Республика, 2000. – 383 с.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 416 с.
6. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. 432 с.
7. Уткин А. И. Глобализация: Процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М. : Логос, 2002. 254 с.
8. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона ; под ред. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
10. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
11. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
13. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.
14. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. – М. : АСТ, 2008. 444 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.
16. Бек У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 4, № 1. – С. 24–53.
17. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
18. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации / Э. Аллард // Социс. – 2002. – № 9. – С. 60–66.

References

1. Tsapf V. Teoriya modernizatsii i razlichie putey obshchestvennogo razvitiya / V. Tsapf // Sotsis. – 1998. – № 8. – S. 14–26.
2. Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek / F. Fukuyama ; per. s angl. M. B. Levina. – М. : АСТ, Yermak. – 2005. – 592 s.
3. Postmodernizm. Entsiklopediya. – Minsk, 2001. – 1040 s.
4. Kozlovski P. Sudby gegelyanstva: filosofiya, religiya i politika proshchayutsya s modernom / P. Kozlovski, E. Yu. Solovev. – М. : Respublika, 2000. – 383 s.
5. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne / Yu. Khabermas. – М. : Ves mir, 2003. – 416 s.
6. Derrida Zh. Pismo i razlichie / Zh. Derrida. – SPb. : Akademicheskii proekt, 2000. 432 s.
7. Utkin A. I. Globalizatsiya: Protsess i osmyslenie / A. I. Utkin. – М. : Logos, 2002. 254 s.
8. Eyzenshtadt Sh. Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy / Sh. Eyzenshtadt ; per. s angl. A. V. Gordona ; pod red. B. S. Yerasova. – М. : Aspekt Press, 1999. – 416 s.
9. Khantington C. Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh / C. Khantington. – М. : Progress-Traditsiya, 2004. – 480 s.
10. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? / U. Bek. – М. : Progress-Traditsiya, 2001. – 304 s.
11. Giddens E. Posledstviya sovremennosti / E. Giddens // Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya / pod red. V. L. Inozemtseva. – М. : Academia, 1999. – 640 s.
12. Khantington C. Stolknovenie tsivilizatsiy / C. Khantington. – М. : AST, 2003. – 603 s.
13. Inglegart R. Modernizatsiya i postmodernizatsiya // Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya / pod red. V. L. Inozemtseva. – М. : Academia, 1999. – 640 s.
14. Rossiya i mir. Novaya epokha. 12 let, kotorye mogut vse izmenit. – М. : AST, 2008. 444 s.
15. Toffler E. Tretya volna / E. Toffler. – М. : AST, 1999. – 784 s.
16. Bek U. Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vragi / U. Bek // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. – 2003. – Т. 4, № 1. – S. 24–53.
17. Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii / A. Turen. – М. : Nauchnyy mir, 1998. – 204 s.
18. Allard E. Somnitelnye dostoinstva kontseptsii modernizatsii / E. Allard // Sotsis. – 2002. – № 9. – S. 60–66.